

Ребенок. Смотрите, сюда идет какой-то чудной монах! Смотрите все, смотрите все!

Уличная торговка суси. В самом деле, какой странный монах! Так неистово ударяет в гонг и при

этом вопит...

Старик, торговец хворостом. Никак не пойму, чего он хочет, — на ухо туговат. Скажи, что он там

кричит, а?

Жестянщик. Он кричит: «О будда Амида, отзовись! О будда Амида, отзовись!»

Старик. Да ну?.. Значит, он не в себе.

Жестянщик. Похоже на то.

Торговка овощами. Ах нет, это, наверно, блаженный праведник. Помолюсь-ка ему на всякий

случай.

Торговка суси{306}. Но какое противное у него лицо! Разве у праведников бывают такие?

Торговка овощами. Грешно так говорить! Бог накажет...

Ребенок. Дю-дю, дурачок! Дю-дю, дурачок!

Монах-вельможа. О будда Амида, отзовись! Отзовись!

Собака. Гав!.. Гав-гав!..

Дама, идущая на богомолье. Взгляни, какой забавный монах!

Ее спутница. Эти блаженные, чуть только увидят женщину, того и гляди, привяжутся с какой-

нибудь непристойностью. Хорошо, что он еще далеко, свернем скорее в сторону.

Литейщик. Э, да, никак, это вельможа из Тадо!..

Странствующий торговец ртутью. Слыхал я, что супруга его и дети день-деньской льют о нем

слезы...

Литейщик. И все же вступить на путь будды, покинув ради этого даже жену с детьми, — что ни

говорите, а по нынешним временам это замечательно!

Торговка сушеной рыбой. Что же тут хорошего? Поставь-ка себя на место брошенной жены и

детей — поневоле зло возьмет, пусть даже не женщина разлучила, а сам будда!

Молодой самурай. А ты права. В этом есть свой резон! (Хохочет.)

Собака. Гав-гав!.. Гав-гав!..

Монах-вельможа. Отзовись, будда Амида!.. Отзовись! Отзовись!..

Самурай — всадник. Эй, коня напугал, отче!.. Стой, стой!..

Слуга, несущий за ним поклажу. На блаженного и рука не поднимется...

Старая монахиня. Всем ведомо, что монах этот был прежде злодеем, любившим пуще всего убийство... Поистине благо, что он обратился на путь истины.

Молодая монахиня. Да, верно, страшный был человек... Не только убивал все живое, охотясь в

лесах и на реках, но, бывало, не раз стрелял в простолюдинов, в нищих...

Нищий с сандалиями в руках. Вовремя же я его повстречал. Случись это на недельку раньше, стрела, возможно, пробуравила бы мне дырку в брюхе.

Торговец каштанами. С чего бы это такой душегуб вздумал постричься?

Старая монахиня. Да, чудеса... Наверное, была на то воля будды.

Торговец маслом. А я думаю, не иначе как в него вселился тэнгу{307} или другая нечистая сила.

Торговец орехами. Нет, по-моему, не тэнгу, а лисица.

Торговец маслом. По говорят, что именно тэнгу в любую минуту может оборотиться буддой...

Торговец орехами. Сказал тоже... Не только тэнгу... И лиса на это мастерица.

Нищий. Выберу-ка я минутку, стащу горсточку каштанов да суну в мешок для подаяний...

Молодая монахиня. Ой, смотрите, куры все забрались на крышу, — верно, гонга испугались...

Монах-вельможа. О будда Амида, отзовись! Отзовись!

Рыбак. Вот еще нелегкая принесла! Сколько шума наделал!

Его приятель. Что это там? Какой-то нищий бежит сюда?

Дама-путешественница с длинной вуалью и под зонтиком. Ах, как ноги у меня устали! Этому

нищему и то позавидуешь!

Ее слуга. Осталось только перейти мостик, и за ним сразу город.

«Сомнение»

Рыбак. Заглянуть бы разок под эту вуаль...

Его товарищи. Смотри, пока мы по сторонам зевали, наживку-то оборвало...

Монах-вельможа. О будда Амида! Отзовись! Отзовись!..

Ворона. Карр!.. Карр!

Женщина, сажающая рассаду в поле. «О кукушка! Словно в насмешку поешь ты, когда я гну спину в поле...»

Ее подруга. Какой смешной монах, правда?

Ворона. Карр!.. Карр!..

Монах-вельможа. О будда Амида, отзовись! Отзовись!

На некоторое время воцаряется тишина. Только ветер шелестит в соснах.

О будда Амида! Отзовись! Отзовись!

Меж сосен снова проносится порыв ветра.

Старый монах. Святой отец, а святой отец!..

Монах-вельможа. Ты звал меня?

Старый монах. Воистину. Куда путь держите, святой отец?

Монах-вельможа. Иду на запад.

Старый монах. На западе — море.

Монах-вельможа. Что ж, море мне не помеха. Буду идти на запад до тех пор, пока не сподоблюсь

лицезреть будду Амида.

Старый монах. Что за удивительные речи слышу я! Неужто вы полагаете, будто смертный может

лицезреть будду Амида и поклониться ему?

Монах-вельможа. Иначе зачем бы я стал призывать его так громогласно? Для этого я и от мира

ушел.

Старый монах. Были к тому, наверно, немаловажные причины?

Монах-вельможа. Нет, особых причин никаких не было. Только, возвращаясь третьего дня с охоты, услышал я по дороге поучения одного проповедника. Вник в его слова и тут понял — грешник, даже самый великий, преступивший все священные заповеди, если только обратит свои

помыслы к будде и станет служить ему всем сердцем своим, сможет обрести вечную жизнь в

чистой обители рая. И от этих слов в то же мгновение меня охватила такая любовь к будде Амида, что вся кровь забурлила в жилах...

Старый монах. И как же тогда поступил святой отец?

Монах-вельможа. Я схватил этого проповедника, повалил и прижал к земле...

Старый монах. Что?! Повалил и прижал к земле?..

Монах-вельможа. Потом выхватил меч из ножен, приставил к груди проповедника и потребовал, чтобы он назвал место, где обитает будда Амида.

Старый монах. Странная, однако, манера задавать вопросы!..

Монах-вельможа. Жалобно на меня глядя, он пробормотал: «Запад... запад...» Но я тут мешкаю, а

между тем смеркается. Нельзя терять ни минуты пути, это грех перед буддой Амида... О

будда

Амида, отзовись!.. Отзовись!..

Старый монах. Поистине мне повстречался странный безумец... Пойду-ка и я своим путем...

В третий раз прошумел ветер в соснах. Слышно, как глухо рокочут волны.

Монах-вельможа. О будда Амида, отзовись!.. Отзовись!..

Рокот волн. Время от времени слышно, как щебечут у берега чайки.

О будда Амида, отзовись! Отзовись!.. Какой пустынный берег, нет даже лодок. Одни лишь волны.

А за волнами, возможно, лежит страна, где родился будда Амида... Будь я птицей-бакланом, мигом перелетел бы туда, но увы... А ведь проповедник сказал, что милосердие и доброта будды

беспредельны. Значит, не может он не отозваться, если со всем усердием призывать его громким

голосом... Стану же звать его, сколько достанет сил, звать, пока не умру. А вот, на счастье, и сухая

сосна с раздвоенной вершиной протянула во все стороны ветви... Заберусь-ка на эту вершину... О

будда Амида, отзовись! Отзовись!

Снова рокот волн, тяжкий, глухой.

Старый монах. Вот уже седьмой день пошел с тех пор, как повстречался мне тот безумец. Он

говорил, что хочет еще при жизни лицезреть очами будду Амида... Куда он потом скрылся? О-о, там, на верхушке сухой сосны, — человек... Конечно же, это он, тот монах. Святой отец, а святой

отец!.. Молчит. Оно и понятно. Он мертв. Бедняга умер голодной смертью, ведь при нем не было

даже суммы для подаяния.

В третий раз слышится рокот волн, тяжкий, глухой.

Нельзя оставлять его на дереве — он станет добычей воронов... Все заранее predetermined в

нашем мире. Похороню же его... О-о, что это? В устах мертвеца вырос белоснежный цветок

лотоса! В самом деле, я давно уже ощутил дивный аромат... Значит, тот, кого я счел безумцем, оказался блаженным праведником? А я, того не ведая, обращался с ним непочтительно — сколь

же велико мое упущение!.. Да славится имя твое, будда Амида! Да славится имя твое, будда Амида!.. Да славится имя твое, будда Амида!